
А. А. РЕШЕТОВА

***Нагуй*-птица в «Слове о некоем старце» и русских духовных стихах: сравнительный анализ образа**

«Слово о некоем старце» — сочинение, пополнившее корпус древнерусской паломнической литературы, по мнению одних исследователей — в конце XVI в., с точки зрения других — в первой половине XVII столетия. Отмеченная ими «оригинальность» и «странность» текста объяснялась тем, что «Слово» не укладывалось в канонические рамки жанра паломнического хождения. Несоответствие текста, «восходящего к древним преданиям о святых христианского Востока»,¹ традициям путевой литературы Древней Руси выразилось в обильном использовании легендарного материала и сведении к минимуму историко-географических реалий. Попытки анализа данного сочинения, как правило, приводили исследователей к утверждению его легендарности: «это оригинальное произведение народного творчества»;² «...в целом „Слово“ принадлежит не столько литературе паломничества, сколько народной поэзии на тему фантастических сказаний о Святой Земле и соседних с нею странах»; «показание „Слова“ до такой степени невероятны <...> что „Слово“ можно рассматривать только с этой точки зрения, как узоры народной фантазии о чудесах, ожидающих путника в Святой земле».³

Именно этим объяснимо появление в тексте некой мифической птицы — *нагуй*: «А из горь Аравинских летает нагуи птыца, а емлет по лошаде с человека на всяк день».⁴ Паломнические тексты не могут разрешить возникающего недоумения по поводу этого образа, птица *нагуй*, слетающая с Аравинских гор, «изобильных» богатством — золотом, текущим, «аки вино», безусловно, «происходит» не из путевой литературы, повествующей о сакральных землях Восточного Средиземноморья. Следовательно, возникает вопрос об иных источниках этого сюжета. Отдельные легендарные фрагменты «Слова» сопоставимы с древнерусскими Азбуковниками, Шестодневами, Физиологами, апокрифическими циклами, переводными повестями («Сказаниями о Соломоне», «Сказанием об Индийском царстве», сербской «Александрией» и т. п.); настолько же явно и воздействие на данное сочинение духовных стихов и сказочного эпоса.

Образ мифической птицы *нагуй*, безусловно, интересен и своим происхождением, и символическим подтекстом, и открывающимися возможностями интерпретации памятника, насыщенного легендарными эпизодами, и побуждает искать параллели в других сочинениях как оригинальной, так и переводной про-

¹ Белоброва О. А. Сергей // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 339.

² Лопарев Х. М. Слово о некоем старце: Вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII в. // СОРЯС. 1890. Т. 51. № 2. С. 2.

³ Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 251.

⁴ Текст цит. по изд.: Лопарев Х. М. Слово о некоем старце... С. 4—7.

зы, и в фольклорных текстах. В народной поэзии и древнерусских повестях нагуй — это аналог известной птицы *нога*. Впервые это наименование птицы появилось в церковнославянском переводе Священного Писания, где оно упоминается дважды (Втор. 14: 11—12; Лев. 11: 13) — как «ног» переведено греческое слово *γῦψ* (гриф). А. Н. Веселовский, указывая на древность этого слова и соответствующих ему вариаций, проникших в славянские языки с переводом библейских книг, подтверждал его существование не только в древнерусском, но и в чешском (*нон*), сербском (*ној*), словацком (*кnochta*) языках.⁵ В. Н. Мочульский уточнял, что наименование птицы *ногою* объясняется славянским названием страуса «ној».⁶

В древнерусском языке сохранилось множество вариантов этого слова. В процессе его бытования в письменной и устной среде, использования в памятниках самого разного свойства были созданы названия более или менее близкие по звучанию и по смыслу (еще А. Н. Афанасьев настаивал на том, что «название „Ног-птица“ из переводных рукописей перешло в уста русского народа, и в наших сказках явилась птица „Ногай“»⁷). Их простой перечень становится свидетельством популярности этого «анималистического наименования» в древнерусских текстах и вольности, с которой книжники и переписчики обращались с ним: *нагуи*, *нагавин*, *нагуишов*, *нагота*, *нагута*, *нагукта*, *ногов*, *ногуи*, *ногой* и *ногоювич* («Сказание об Индийском царстве»), *нагович* («Сказание об Индийском царстве») и «Книга естествословная»), *ногович* и *ногвич* («Похвала Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды»), *ног* («Похвала Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды») и «Повесть об Акире Премудром»), *наг* и *нигрит* (апокриф «Дамаскина архиерея Студита собрание от древних философов о неких свойствах естества животных») и «Цветы дарованиям»), *наигрипс*, *ногпотька*, *нигрисп*, *нигрикс* и *нигиф* (Азбуковники), *нагрит* (Лечебники), *нога* («Луцидариус»), *ноготь* и *неготь* («Сказание о Соломоне и Китоврасе»), *поевич* («Повесть об Акире Премудром»), *нагой* и *нагов* («Совет птичий»), *нага*, *нагай*, *науй* и *погайшина* (духовные стихи), *черногон* и *черногар* (духовный «Стих об Егории Храбром»).

Сходство *нагуя* и грифа (варианты: «грифос», «грипс», «грипись», «грив», «гиф», «грифонес», «арифонес») также не раз утверждалось в текстах Древней Руси, причем декларировалось это сходство птиц достаточно уверенно, без тени сомнения средневековые «энциклопедические» книги приравнивали их друг к другу. Это отмечается в статьях о животных многочисленных древнерусских Азбуковников, Толковой Палеи и «Златой Цепи»: «Гриф ног птица»; «Нигрипс, грифонес есть птица»; «Нигриф и грифонес, тол ног птица не едином бо именем в писаниях обретох сию птицу, именуему то трема: нигриф, ног, грифонес»; «Ног грифонес же птица» и т. д.⁸

О слетающей с Аравинских гор птице *нагуй* известно меньше, чем о грифе, однако, учитывая отождествление этих птиц, возможно воссоздать ее облик. *Нагуй* / гриф (или грифон) являлся мифическим существом, сочетающим в своем облике черты птицы (по разным версиям, грифа, страуса или орла) и льва (или верблюда). Например, в лицевом своде «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского грифон изображен в виде четвероногого существа с острым клювом, высунутым языком, крыльями и хвостом, напоминающим львиный.⁹ На

⁵ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 247.

⁶ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 140.

⁷ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 505.

⁸ Белова О. В. Славянский bestiary. М., 2001. С. 92—93, 186—187.

⁹ Там же. С. 187.

это изображение очень походит воспроизведение птицы *ног* в лицевом «Собрании от древних философов о неких собствах естества животных архиерея Дамаскина» (правда, оно ошибочно отнесено к главе о птице трохил), где представлено существо, отвечающее описанию «Похвалы Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды», с телом верблюда, огромными ногами и пальцами, длинным хвостом с кисточкой на конце, большими крыльями, шеей и головой с кривым клювом, напоминающими голову страуса.

Именно так представляли грифа / грифона греки, такой описывалась эта птица в средневековых книжных памятниках. В «Книге естествословной» и Азбуковниках указывалось, что она «велика, яко конь», но в некоторых случаях ее величина выходила за реальные рамки. Мифическому персонажу приписывались гигантские размеры, огромная сила и еще более фантастический вид. Так, в тех же сочинениях говорилось и о его двойственной сущности: «...плоть имать зверскую и птичию, глава птичия <...> четыре ноги птичии, назнокти, тело лвово, точию велико...»; «гриф <...> у которого четыре ноги и хвост подобно как у льва, а голова, нос и рът птичеи». В Азбуковниках утверждалось и то, что «птица велми велика, и силою мочна толика, яко и вола восторгнути». Не менее пугающе-красочно описание чудовищной птицы в «Хронике чудес» Конрада Ликостена: «Во Индийской земли есть птица, грив зовут, велми страшна <...> четыре у ней ноги, ногти кривы, спина черна, а сверху, аки вишневи, а спереди по инымъ странамъ, аки бел. Глава <...> аки у орла, очи <...> аки огонь...». О месте пребывания *нагуя* / грифа и книжная культура, и народная поэзия имеют неопределенное представление, средой ее обитания называлась то Европа, то Индия; имеются указания на «Океан-море», «Корсунские ворота», некую фантастическую благодатную страну «на дальнем Севере» или просто на край земли, куда человек может пойти только за 3 года. Анализируемый нами текст местом проживания *нагуя* делает Аравийские горы.

Для выяснения источников образа *нагуя* в «Слове о некоем старце» в первую очередь важны два комплекса легенд и преданий, которые, безусловно, пересекаются между собой. Один из них связывает птицу с грифами, живущими на высоких горах, где хранятся золотые запасы. Второй блок сказаний сближает ее с фантастическими *ногами* / грифами, гигантскими хищными птицами. Эти легендарные источники переплелись в образе *нагуя* «Слова», поскольку птица в этом произведении и «лошадей емлет», и на горах пребывает, а горы те не простые — с них «идет золото Аравинское».

Устное происхождение легенд, рассказывающих о грифах / грифонах, живущих на горах, полных золота, и дальнейший переход этих образов в книжную культуру очевидны. На этом настаивал еще В. Н. Мочульский, утверждавший, что «самый образ этой фантастической птицы явился в греческой повести как чисто народная реминисценция о тех баснословных птицах, сказания о которых сложились гораздо ранее и жили среди греческого народа». Если же попытаться заглянуть еще глубже в область источников, то обнаружится явное влияние мифологии древнего Востока (Индии, Персии, Китая и пр.), которое глубоко проникло в художественное сознание античной и средневековой Европы: «...представления о чудовищных птицах основываются на тех же восточных и, главным образом, индийских сказаниях...».¹⁰ В памятниках письменной культуры впервые о грифе / грифоне заговорили античные авторы. Геродот упомянул его среди исседонов, аримаспов, гипербореев — сказочных обитателей фантастической благодатной страны на дальнем Севере. Именно он пересказал древнее предание, согласно которому грифы обладали горами, расположенными где-то

¹⁰ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха... С. 140.

в северной части Европы (а по другим рассказам — в Индии), и находящимися в них смарагдовыми жемчужинами и золотыми браслетами.

Появление в «Слове» образа птицы *нагуй*, живущей в горах, «изобильных» богатством, не является чем-то необычным, легендарный источник таких утверждений корнями уходит в древние времена. К тому же, стоит заметить, в народной космогонии горы всегда представляли собой «локус», соединяющий небо и землю (а нередко к ним добавлялся еще и «тот свет»), «вертикаль», связывающую «верх» и «низ», что определяло двойственное восприятие гор, с одной стороны, как «чистого», имеющего райские атрибуты и насыщенного сакральными объектами (дуб, бел-горюч камень и др.), а с другой — как «нечестивого», демонического пространства, символа «прелестного», злого мира, места борьбы с искушениями и пороками. Древнерусское мифологическое сознание в первую очередь на горе «располагало» пугающий потусторонний мир: царство мертвых — это горная страна, по русским народным сказкам — со стеклянными и золотыми вершинами, куда зачастую в качестве испытания попадал герой и где он встречал самых необычных (не всегда доброжелательно настроенных) зверей и чудовищ. В связи с этим во многом становится понятна связь фрагментов «Слова», следующих один за другим: сначала о птице *нагуй*, а далее о золотых Аравиинских горах.

Но вернемся к птице *нагуй*. О необычайной силе ее мифических аналогов говорится, например, в Шестодневах (в частности, византийской поэме «Похвала Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды»): «...откуда же ног веломочную взма силу. И вола исторг готовым хыщением и крилат летает и ходит четвероног», — и в использующих их Азбуковниках: «...ног птица так сильна, яко вола готовыи ухищрением восторгнути можит, и четвероног по земле ходит и крилат по воздуху летает»; «Гриф иже збруинаго человека сидящаго на коне по воздуху носит, род ястребов...».¹¹ Скорее всего, именно эти представления отразил автор «Слова о некоем старце», утверждавший силу *нагуя*, позволяющую ему переносить «по лошаде с человека на всяк день». Абсолютно не исключено, что это легендарное уточнение попало в «Слово» под влиянием книжного источника — «энциклопедических» сборников, включающих в свой состав статьи о животных.

На кровожадном нраве птицы *ног* и ее страсти к мясу лошадей строится один из сюжетных поворотов и в чешской повести о королевиче Брунцвике, появившейся в русской литературе не позже середины XVII столетия (эта повесть может объяснить нам, насколько не случайным было упоминание «вола» и «коня» или «человека, сидящего на коне», в привлеченных выше примерах из средневековых текстов). Когда, согласно повествованию, корабль Брунцвика был притянут к магнитной горе и все его спутники погибли, дядька зашил королевича в конскую шкуру, обмазал сверху кровью и положил на горе. Прилетевшая птица *ног* унесла его в далекие страны и бросила в свое гнездо. Чудовищная птица, падкая на кровь, была наказана то ли за собственную страсть, то ли за наивность: королевич убил ее птенцов и отправился дальше. А. Н. Пыпин, анализируя сюжет данной повести, уточнял, что такое освобождение героя «посредством исполинской птицы» является не чем иным, как «буквальным повторением того, что рассказывается о герое французского романа *Huon de Bourdeaux*, который точно так же занесен был к магнитному острову и потом избавлен был грифоном».¹²

А. Н. Афанасьев утверждал, что баснословная птица, с помощью которой сказочные герои совершали воздушные полеты, была известна не только сла-

¹¹ Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 93.

¹² Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1875. С. 226—227.

вянским, но и немецким племенам.¹³ Фантазия древнего Востока также не обошла стороной и эту особенность легендарной птицы. *Ног / ноготь* из Соломонова цикла схож, с одной стороны, с птицей Симург из иранского мифологического эпоса, которая отличалась небывало прочными и острыми, как железо, перьями (речь о птице с режущими перьями идет и в «Сказании об Индийском царстве»: «есть у нас птица, перья той птицы кости режут, всяк камень и железо»). С другой стороны, согласно точке зрения А. Н. Веселовского и Ф. И. Буслаева, *ног* появился под влиянием *нагар-туре* талмудических преданий. Отсюда, по мнению исследователей, многочисленные народные «приноровления» славянского названия птицы — *ноготь, нога, нага, нагар* и т. п. — к талмудическому *нагар-туре*.¹⁴ В. Н. Мочульский в свою очередь уточнил, что чудовищная птица, которая столь велика, что расправленными крыльями закрывала небо, «в Талмуд пришла из восточных, главным образом, индийских сказаний».¹⁵ Впоследствии восточная и талмудическая мифология послужила источником для средневековых Физиологов, а из них в свою очередь черпали сведения многие повести и апокрифы, в том числе и о Соломоне. Т. е. цепь текстуальных сопоставлений приводит к выводу, что в славянской мифологии устрашающая гигантская *нагуй*-птица и сюжеты, связанные с ней, появились под влиянием восточных, ирано-буддийских и талмудических преданий. Таким образом, устанавливается их подобие тем «странствующим» образам и бродячим сюжетам, которые в основном шли путем заимствований с Востока на Запад, нередко через Византию, — в культуру Европы.

Предположительно образ *нагуя* появился в «Слове» не только (а может быть, и не столько) под непосредственным влиянием переводных повестей и сказаний, но и под влиянием русского сказочного эпоса. Его влияние вполне оправданно, поскольку именно в XVII в. у книжников обнаружилось активное желание воспользоваться материалом устного народного творчества. Склонность к сказкам и переводным повестям привела к тому, что они становятся составной частью популярного чтения, потребность в котором была столь велика в этом столетии. Вместе с тем, по мнению А. Н. Пыпина, именно в сказках по ходу действия возникает мифическая птица, «заимствовавшая некоторые особенности свои из старинной рукописной повести».¹⁶ Представление о гигантской птице, которая хватала мертвечину и невольно вместе с добычей переносила героя через море в дальние страны, возможно, попало в русскую сказку из переводной греческой повести. Анализируя народно-поэтическое влияние на литературные тексты, рассуждения о котором стали уже привычными в исследовательских работах, нельзя забывать о том, что и книжные «элементы» в свою очередь отражались в сюжетах народного эпоса. Это имеет отношение ко многим поверьям о чудных далеких странах, дивных зверях и птицах, которые прежде заключались в переводных сборниках, вроде средневекового Физиолога, а потом распространялись посредством Азбуковников и им подобных популярных книг. В результате подобного взаимодействия такие «травестированные» рассказы смешивались с оригинальными народными произведениями и, несмотря на чуждое происхождение, самым естественным образом приживались в национальном

¹³ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 503. Следует заметить, что рассказы о полетах по воздуху Акира Премудрого или Александра Македонского лишь отдаленно напоминают сказания о гигантской баснословной птице: там речь идет об орлицах, специально обученных людьми и по их повелению поднимающих в воздух героев.

¹⁴ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... С. 246; Буслаев Ф. Рецензия на сочинение А. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». СПб., 1872. С. 33.

¹⁵ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха... С. 142.

¹⁶ Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей... С. 227.

сказочном и былинном фольклоре. О том, как устные произведения свободно подвергались книжному влиянию, свидетельствуют и такие образы русского сказочного эпоса, заимствованные из переводных сказаний, как «меч-кладенец», «магнитная гора» и *нагуй-птица*.

Так, в сказке «Золотая гора» речь идет о купеческом сыне, который был перенесен на высокую золотую (!) гору, будучи зашитым в брюхо «ледащей клячи». Его уносят туда черные вороны, напоминающие собой прожорливых грифов / *нагуй*: «Вдруг прилетают вороны черные — носы железные, ухватили падаль, унесли на гору, и ну клевать; съели лошадь и стали было добираться до купеческого сына». ¹⁷ Подобная история происходит в сказке «Заколдованная королева»: добрый молодец отправляется в далекое тридцатое государство искать невесту; рыбаки, спасая его от беды, зашивают в брюхо зарезанной лошади и бросают на берегу. ¹⁸ Вдруг от взмахов крыльев огромной птицы-львицы или гриф-птицы поднимается буря; она хватает мертвечину и вместе с нею переносит молодца через широкое море: «...прилетает сюда гриф-птица — собой словно гора великая, и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит...». ¹⁹ В сказке «Норка-зверь» царевич возвращается из подземного царства на крыльях птицы («норки-зверь»), которая столь огромна, что, подобно тучам, заволакивает небо, затеняя собою солнечный свет. ²⁰

В народных памятниках устрашающие гигантские птицы появляются под различными названиями, но, по сути, все они подобны друг другу по своему пугающему облику, огромной силе, хищническому нраву, обыкновению жить высоко в горах, подбирать падаль. Таким *нагуй / ногь* (или гриф) предстает на основе множества легенд, источники которых и устного, и книжного характера. Именно под их влиянием в «Слове о некоем старце» сложился образ птицы, которая «емлет по лошаде с человека на всяк день».

Интересен сам по себе и в связи с проанализированным выше материалом вопрос о специфике образа птицы *нагуй* в духовных стихах, получивших особое развитие в русской литературе XVII в., так как в данном случае не исключается их влияние на «Слово». Сопоставление это не лишено оснований, поскольку воздействие духовной поэзии, особенно «Стиха о Егории Храбром» и «Голубиной книги», сказывается во многих легендарных фрагментах анализируемого нами сочинения. В духовных стихах птица *нагуй* чаще всего ассоциируется с морской стихией и явлениями природы, с ней связанными. Однако «Слово» от духовной поэзии могло заимствовать разве что название птицы, так как в духовных стихах говорится лишь о гигантских размерах птицы, но не о ее повадках.

О птице *нагуй* речь идет в духовном «Стихе о Егории Храбром» (правда, в разных его редакциях она названа *черногоном* и *черногаром*) и в «Голубиной книге». Еще А. И. Кирпичников, исследуя легенды, связанные со святым Георгием / Егорием Храбрым, заметил, что при сравнении этого стиха с «Голубиной книгой» становится очевидным сходство двух птичьих образов: образ *ноги*-птицы «в стихе о Егории возник под влиянием Голубиной книги, точнее сказать, это интерполяция стиха о Егории посредством Голубиной книги». ²¹ Интерполяция эта была далеко не бессмысленной, как указали Ф. И. Буслаев и А. И. Кирпичников, она представляла собой некий «украшающий эпизод», что соответст-

¹⁷ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1863. Вып. 7. С. 207—208.

¹⁸ Там же. С. 164.

¹⁹ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 503—504.

²⁰ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1984. Т. 1. С. 203.

²¹ Кирпичников А. И. Св. Георгий и Егорий Храбрый: Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879. С. 161.

вовало в первую очередь художественным воззрениям автора. Сходство же эпизодов в названных памятниках явное:

«Стих о Егории Храбром»

...приезжал Егорий
К тому ко городу Киеву.
На тех вратах на Херсонских
Сидит Черногар птица,
Держит в когтях осетра рыбу,
Святому Егорью не проехать будет...
По Божьему повелению,
По Егорьеву молению,
Подымалась Черногар птица под небеса,
Полетела она на Океан море,
Она пьет и ест в Океан море,
И детей выводит на Океан море.²²

«Голубиная книга»

(А) нагой-птица всем птицам мати,
А живет она н(а) акианс море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости карабельщики
А на то гнездо нагай-птицы
И на сво детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыбнется.
Кабы быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленяя корабли,
А все ведь души напрасныя.²³

Возникновение в духовных стихах загадочной *нагуй*-птицы является отголоском древних мифических представлений. Можно с полным правом присоединиться к мнению А. Н. Веселовского и Б. М. Соколова, которые утверждали, что и «Стих о Егории», и «Голубиная книга» имеют мифологическую основу, в связи с чем эпизод с исполинской птицей возник в «первоисточнике», скорее всего устным, который в свою очередь появился под влиянием русской народной сказки.

Если влияние «Голубиной книги» на стих о Георгии / Егории — факт более или менее очевидный и вполне доказуемый (особенно если рассматривать это «взаимодействие» на примере конкретного образа — гигантской птицы), то обнаружение источников духовного стиха о «Голубиной книге» можно провести лишь гипотетически. Известно, что складывался последний на основе таких апокрифических сказаний, как «Беседа трех святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фавор», «Иерусалимская беседа» (или «Повесть о граде Иерусалиме»),²⁴ однако следов заимствования анализируемого образа из этих источников не обнаруживается. Воздействие других текстов проявляется при сопоставлении отдельных вариантов стиха о «глубинной книге». Наравне с формой *нагой*-птица, которая в «Голубиной книге» называется «мати всем птицам», в отдельных редакциях стиха используется также слово *стратим* (и его разновидности: *стрефил*, *стрефел*, *страфиль*, *стрепеюи*, *острафиль*, *естрафиль*, *страхиль*, *стрихиль*, *страхвиль*, *страхвар*, *стришел*, *аситрах*, *аштраха*), производное и искаженное от греч. στρόβος — «страус», или по Азбуковникам — «струт»: «Стратим-птица всем птицам мати».

В. Н. Мочульский отметил, что такое наименование птицы является своего рода закономерностью, поскольку в этом прослеживается литературная тенденция XVII в.: «Почему в данном случае народ высказал предпочтение названию „страфиль“, т. е. страус, объясняется отчасти самим „Физиологом“ и азбуковниками».²⁵ Являясь на протяжении веков источниками разнообразных сведе-

²² Киреевский П. В. Русские народные песни // ЧОИДР. 1848. № 9. С. 153.

²³ Кириша Данилов. Древние Российские стихотворения. М., 1997. С. 274.

²⁴ Относительно последнего текста необходимо отметить, что о нем как о «промежуточном» — «среднем» — этапе между апокрифической «Беседой трех святителей» и стихом о «Голубиной книге» говорил Ф. И. Буслаев. См.: Буслаев Ф. И. Повесть града Иерусалима // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859. Т. 2. С. 34. Иное мнение было у В. Н. Мочульского и А. Н. Веселовского, которые считали «Иерусалимскую беседу» поздней переделкой «Голубиной книги» русскими книжниками. См.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... С. 455; Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха... С. 234.

²⁵ Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха... С. 143.

ний, Физиологи, Шестодневы, Азбуковники составили в древнерусской словесности особую «энциклопедическую» литературу. К тому же они были прекрасными «проводниками» в народную среду «физиологических» книжных сказаний, поэтому их влияние было столь ощутимо во многих произведениях народной культуры: они «заклучают в себе немало черт, которые впоследствии были подмечены и так художественно воспроизведены нашу народную поэзией».²⁶ Популярность их и общеупотребительность в среде книжников и читательской аудитории в большей степени возросли в XVII в., о чем свидетельствуют их многочисленные списки и редакции. С полным правом следует предположить, что под влиянием этих всевозможных средневековых «бестиариев», которые (как известно) составляли в древности одно из любимых чтений грамотных людей, и появились в духовных стихах «чужеземные» имена как страуса, так и грифа.

Кроме того, можно предположить, что духовные стихи, в полной мере воплотившие богатство апокрифического материала, сохранили это название птицы под влиянием апокрифического «Сказания о Соломоне» (*стратим* — страус), как оно, скорее всего, значилось в греческом подлиннике. В многочисленных западных переложениях легенды о Соломоне птица, хранящая шамир, практически всегда называлась страусом. Данный факт подтверждается замечанием А. Н. Веселовского о том, что «к значению грифа, коршуна, ястреба можно присоединить для славянских наречий и значение страуса. По-сербски *poj* — страус, в наших духовных стихах о Егории Храбром птица *нага, нога, погайщина, черногар, чер-ногон* (в былине о Вольге Буслаевиче: *науй*) чередуются с другим прозвищем той же птицы: *острафил, птица острафильская, стратим*».²⁷ Само чередование этих названий приводит к выводу об их тождестве. Это доказывается и используемыми одновременно с ними такими сложными формами, как *нага-астрахтир, нага-страхтир*.

На сближение птиц из «Сказания о Соломоне» и «Голубиной книги» указывает также то, что в отдельных вариантах духовного стиха стратим по своей способности разрезать самые твердые предметы уподобляется птице *ног / ноготь*: «роняет перья, которые крепче стали и булату, и режут ими кости и камни».²⁸ Данный факт апокрифического влияния нельзя не учитывать, поскольку известно, что апокрифы, игравшие на Руси важную роль, расходились не столько письменно, сколько путем устной передачи, и поэтому в них (особенно в поздних списках) обнаруживается сходство с формами и содержанием народного эпоса. Подавляющее большинство духовных стихов восходит, иногда опосредованно, к письменным источникам, таким как библейские тексты, канонические творения отцов церкви, слова, поучения, жития, но прежде и чаще всего — к разнообразным апокрифам. В связи с этим нет ничего необычного, например, в том, что отдельные подробности и сюжетные детали сказаний о премудром Соломоне обнаруживают неоспоримые следы сходства с памятниками русской народной культуры.

Поскольку «Голубиная книга» «поселила» *нагуй / стратим-птицу* на «океане-море» («Живет стратим птица на океане-море и детей производит на океане-море»), где она «ест и пьет» и «плод плодит», и наделила ее способностью возмущать океан и «быстрые реки» и топить «бусы-корабли», то невольно появляется сравнение ее с исполинской птицей из талмудических сказаний, которая также оказывает влияние на водную стихию, причем чаще губительное для человека.

²⁶ Баталин Н. И. Древнерусские азбуковники // Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 3—5. С. 64.

²⁷ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... С. 248.

²⁸ Бессонов П. А. Калики перехожие: Сборник стихов и исследование. М., 1863. Т. 2, вып. 5. С. 338.

Птица та настолько велика, что море ей по колено, голова ее до неба, а вода в том месте, где она стоит, так глубока, что опущенный в нее топор не дойдет до дна за 7 лет. Представления о подобной птице попали в ряд апокрифических сказаний, в частности следует обратить внимание на текст «О всякой твари», где возникает описание «кура» — огромного петуха, держащего белый свет под правым крылом и возвещающего начало нового дня: «Глаголеть писание есть кур, емуже глава до небеси, а море до колена, едаже солнца омывается въ кияне, тогда же акиян въсколебається и начнут волны кура бити по перью (онъ) же очютивъ волны и речеть кокореку, протолкується свѣтодавче господи, даиже свѣт мирови».²⁹ Похожие черты можно отыскать и в описании солнечных птиц из «Книги Еноха», и в образе птицы, закрывающей крыльями солнце, из апокрифического «Откровения Варуха». Кроме того, в народной традиции гриф нередко отождествлялся с огромной мифической птицей, собирающей крыльями солнечную зарю, заслоняющей крыльями солнце и летающей без отдыха 40 дней.³⁰

Данные текстовые наблюдения подтверждаются и теоретической посылкой А. Н. Веселовского, ссылавшегося на сложный, синкретичный состав духовного стиха о «книге» и многообразии его источников: «Грандиозный образ, каким является *страфил* в стихе о Голубиной книге, может быть, продукт наслоения разыгравшейся народной фантазии и, скорее всего, влияния сходных апокрифических статей».³¹ Вместе с тем нельзя отрицать не только книжного происхождения данных легенд, но и так называемого «встречного движения» — со стороны народного мифолого-поэтического сознания (в языческой космогонии, как правило, образ мировой птицы имел первостепенное значение). Так, М. Л. Серяков утверждал, что образ огромной птицы, возмущающей водные глубины, сложился в «Голубиной книге» путем «последовательного напластования друг на друга представлений» о разных птицах, первоначальное же место «всех птиц матери» принадлежало петуху, который с древнейших времен был отлично известен славянам и воспринимался «в неразрывной связи с Солнцем и его могучей животворящей силой».³² По мнению исследователя, языческая основа преданий о гигантском Мировом Петухе, являвшемся глашатаем дневного светила, криком разгонявшем злых духов и прочую нечисть, была настолько очевидна, что впоследствии в «Голубиной книге», как это часто бывало при усвоении старой языческой символики христианством, произошла сознательная «перекодировка» мифологического образа в более нейтральный.

«Талмудический» пернатый гигант и апокрифический «кур», стоящие по колено в море, напоминают и мусульманские предания Востока о белом петухе, у которого одно крыло простерто на восток, другое — на запад, голова — под престолом славы, ноги — в преисподней. Его ежедневное утреннее пение, которым он возвещает время для молитвы, слышат все жители неба и земли, кроме тех, кто отягчен грехом; отвечают ему и все петухи на земле. Но когда настанет день воскресения, Всевышний прикажет ему собрать крылья и замолчать, чтобы все жители неба и земли, за исключением грешников, узнали, что настал Судный день. Это находит соответствие и в славянских мифологических представлениях: согласно им, когда перестанет петь петух, настанет конец света, так как его крик перестанет вызывать Солнце и миром полностью овладеют силы тьмы. Интересно, что в одном из первых вариантов стиха «Голубиной книги» поведение стратима, который «держит белый свет под правым крылом», описы-

²⁹ Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 2. С. 349—350.

³⁰ Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 256.

³¹ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... С. 248.

³² Серяков М. Л. «Голубинная книга» — священное сказание русского народа. М., 2001. С. 383—384.

вается в связи с указанием на «последние времена»: «Страфил птица вострепехнетца, все сине море восколыхнетца, тады будя время опоследняя».³³

Вместе с тем *нагуй* / *стратим*-птица в духовных стихах представляет собой мифический образ ветра:

По Божьему все повелению
Стратим-птица вострепехнется,
Океан-море восколыхнется;
Топит она корабли гостинные
Со товары драгоценными...

В связи с этим возможны параллели с птицей Гарудой из индийской мифологии, которая также олицетворяла собою ветер. От ударов могучих крыльев и той и другой птицы рождались ветры, а на море поднималась буря, от которой гибли корабли с товарами. Стоит вспомнить и о том, что в «Стихе о Егории Храбром» *нагуй* изображается с рыбой-осетром в когтях, т. е. предстает как птица — пожирательница рыб и этим вновь становится похожа на Гаруду — пожирательницу змей. Образы птиц-«ветров», подобные Гаруде и стратиму, встречаются и у других народов. Чаще всего ветры и бури олицетворялись в образе орла, поскольку в средние века было общее поверье о тайной связи между ними. На это, например, ясно указывают скандинавские и немецкие предания — таковыми были скандинавские орлы-великаны. Норманнские народы верили, что на небе сидят великаны (= тучи) в виде громадных орлов и размахом своих крыльев производят ветры, их полету сопутствуют буря и град. По белорусскому поверью, гарцуки (от «гарцевать» — играть, бегать взапуски), духи подвластные Перуну, летают в виде разных хищных птиц и, разыгравшись в воздухе, крыльями своими порождают вихри, бури и другие разрушительные силы природы.³⁴

Отмечаются два любопытных «анималистических» смещения птицы *нагуй* с алконостом и фениксом. Действительно, в характеристике *нагуй* / *стратима* слышатся отголоски сказаний об алконосте из Азбуковника, в частности в описании того, как она «вьет гнездо на белом камене», где растут ее «детушки маленькие». Так, отдельные черты стратим-птицы из духовных стихов взяты из его описания: «Алконост имеет гнездо на бреже песка в краю моря и ту кладет яйца своя <...> егда почутит изытие чада своя и носит на среду моря, и издает во глубину, тогда и убо море многими бурями ко брегу приражается; но егда сносит алконост яйца своя на едино место и насыдет на них верху моря, а яйцам во глубине сущим, тогда море непоколебимо бывает за седьмь дней, дондеже алконостова яйца излупятся».³⁵ М. Л. Серяков, связавший птицу из духовных стихов с архетипом Мирового Петуха, заметил, что *стратим* — это позднее название, которое «наложилось на предшествующее ему представление о выводящем в море птенцов алконосте, образ которого был хорошо известен как в русской письменности, так и в народной поэзии, где он наряду с сирином считался райской птицей».³⁶ Впоследствии, по мере размывания первоначальной сакральной структуры текста, это греческое название сменилось на *стратима*-страуса — данное наименование более подходило для сочинения, стремившегося позабыть слушателей рассказами о диковинных заморских существах.

³³ Бессонов П. А. Калики переходные. № 92; Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе... С. 248—249.

³⁴ Афанасьев А. Н. Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея и волк // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996. С. 148—149.

³⁵ Баталин Н. И. Древнерусские азбуковники. С. 64.

³⁶ Серяков М. Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. С. 383.

В одной из первых рукописных редакций «Голубиной книги» *нагуй* также назван фениксом: «Птица птицам мать феникс». ³⁷ Скорее всего, это произошло под влиянием средневекового Физиолога, что вполне оправданно в отношении духовных стихов, содержание которых в немалой степени определялось литературными источниками. Птица феникс («фоунизь») появляется в «Откровении Варуха» (в его сербском варианте), где он представлен огромной птицей, защищающей мир от жара солнечных лучей: «...и птица прелетаюшти оть вьстока до запад <...> а птица прелетаюшти есть хранительница миру вьсеому <...> сия птица простирает криле свои, и закривает лоучь огньне сльнцоу. Аште не би закривала лоучь огньнии сльнцоу, не би жиль род чловечьски на земли, ни вьсь тварь оть вара сльнчнього...». ³⁸ На феникса переносятся и отдельные черты огромной птицы *ног* — той, которая знакома по «Сказанию об Индийском царстве»: «И еще есть в моем царстве птица именем финикс, и она свивает себе гнездо на 15 дубех». ³⁹ Чаше в разных вариациях «Сказания» данное утверждение относится к птице *нагуй*: «Есть у меня птица ногой, вьет себе гнездо на пятнадцати дубах». ⁴⁰

Итак, в «Слове о некоем старце» и в духовных стихах отмечается сплав религиозных и народных мотивов, книжных и фольклорных элементов (духовную поэзию нередко называют «мостом между христианской книжной и устной народной культурами» ⁴¹). Это, несомненно, говорит об их близости на образном уровне (если точнее, то на примере птицы *нагуй*). Не случайно в духовных стихах — в той же «Голубиной книге» или в «Стихе о Егории Храбром» — совмещаются фрагменты о мифической птице *нагуй* с эпизодами о «Ерусалим-граде», где «распят был <...> Исус Христос»: первая оказывается «всем птицам мати», а великий город — «всем градам отец» (тем же «максимумом сакральности» наделяются «Святая Русь-земля», «Фавор-гора», «кипарис-древо», «окиян-море», «Ильмень-озеро», «Иордан-река», «кит-рыба», «единорог-зверь», «бел-алатырь-камень», «плакун-трава»). В данном случае отмечается одновременное соответствие и книжным памятникам, и произведениям народной словесности. Скорее всего, автору «Слова» были известны эти тексты, поэтому он и поместил рассказ о фантастической *нагуй* в описание пути к святым палестинским землям. Воспринимается это как отголосок древних мифических воззрений в сочинении, созданном в духе христианской символики.

В заключение следует отметить, что и в «Слове о некоем старце», и в духовных стихах «Голубиная книга», «О Егории Храбром» появлению образа птицы *нагуй* в целом способствовали мифологические представления, отразившиеся и в славянском эпосе, и в словесности. Их древнейшими источниками в большей степени можно считать предания древнего восточного фольклора — древнеиндийские, ирано-буддийские, талмудические сказания; не случайно так явные пересечения и параллели славянской *нагуй* с подобными птицами из эпоса разных народов. Непосредственное влияние на создателя «Слова» могли оказать перечисленные выше «энциклопедические» сочинения, которые в XVII в. распространились в сборниках «бестиарного» содержания: Физиологи, Шестоднев

³⁷ Бессонов П. А. Калики переходные. № 89.

³⁸ Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 483.

³⁹ Истрин В. М. Сказание об Индийском царстве // Древности: Труды славянской комиссии Московского Императорского Археологического общества. М., 1895. Т. 1. С. 45.

⁴⁰ Сказание об Индийском царстве // БЛДР. XIII век. Т. 5. СПб., 2000. С. 396; Летописи русской литературы и древности... Т. 2. С. 100—103.

⁴¹ Никитина С. Е. Духовные стихи // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 158—162.

(например, «Похвала Богу о сотворении всей твари Георгия Писиды»), Азбуковники. Не исключается их воздействие и на текст проанализированных нами духовных стихов. В числе книжных источников религиозной поэзии и «Слова» вполне могут считаться переводные повести, наиболее красноречивы в этом плане сопоставления с апокрифическими сказаниями о Соломоне, сербской «Александрией», «Сказанием об Индийском царстве». Что касается «Слова», то для его составителя была значима и «народная поэзия» — сказочный эпос и духовные стихи. Показательно, что интерес ко всем предполагаемым первоисточникам возрос в среде книжников и читателей в XVII столетии: именно в это время активно записываются тексты сказок и религиозной поэзии, переписываются в многочисленных вариантах образцы переводной беллетристики, апокрифической и «энциклопедической» литературы.

Таким образом, можно утверждать, что интересующие нас в рамках данной статьи сочинения оказались под влиянием источников, практически идентичных по составу, но разных по содержанию, отсюда и различающиеся описания гигантских птиц. Причем наблюдения подсказывают, что, скорее всего, на духовные стихи, появившиеся в рукописном виде только в XVII столетии, повлияли в большей степени отдельные образцы книжной культуры, а «Слово о некоем старце» сложилось под воздействием устного эпоса. Однако настаивать, вслед за Х. М. Лопаревым, на том, что «Слово» есть «оригинальное произведение народного творчества»,⁴² было бы излишне категорично и опрометчиво. Приведенный выше материал, основанный на анализе единственного анималистического образа — мифической птицы-гиганта *нагуй*, доказывает это в полной мере.

---

⁴² Лопарев Х. М. Слово о некоем старце... С. 2.